

—

Цзи Жунся в мгновение ока вспыхнул от ярости, словно подпаленный сухой хворост.

Прежде чем он успел полностью осознать свои действия, он уже с силой швырнул бамбуковую циновку прямо на лоток.

— Что ты сказал, сопляк?! — тело Цзи Жунся сработало быстрее разума, и он уже готов был броситься вперед, но Гу Танцзинь крепко перехватил его за руку.

В этот самый момент из-за угла, где они до поры прятались, с криками выскочили старуха Лян и Лян Дафэн. Лян Дафэн сразу встал за спиной матери с таким видом, будто всем своим существом говорил: «Ну-ка, посмотрим, кто тут посмеет поднять руку!».

Почувствовав резкий и бурный всплеск эмоций своего хозяина, Система Бога Кулинарии автоматически вышла из полусонного состояния и принялась уговаривать: «Хозяин, успокойтесь, умоляю, успокойтесь!».

— Ой-ой-ой, поглядите на него, он же еще совсем ребенок, а ты уже драться надумал?

— Да что с детей взять, они же просто балуются, шутят так.

Старуха Лян улыбалась на редкость ласково и добродушно, всем своим видом изображая покладистую и понимающую пожилую женщину. Вот только длинные, узкие, треугольные глаза были полны самодовольства.

Хех, неужто этот глухой действительно посмеет ударить старого человека?

Лян Дабао, заведя за спиной такую надежную опору, обнаглел еще пуще. Он высунулся из-за юбки старухи Лян и принялся корчить рожи Цзи Жунся и Гу Танцзиню:

— Бе-бе-бе! Хромой он и есть хромой, а еще и слова сказать нельзя! Бабушка, я ведь правду говорю, ни капли не соврал!

— Ах ты, егоза, ну зачем же ты все мысли вслух выбалтываешь, — притворно и без капли строгости пожурела внука старуха Лян. После этого она повернулась к Цзи Жунся и Гу Танцзиню и слащаво произнесла: — Дети еще глупые, неразумные, вы уж не принимайте близко к сердцу.

Среди собравшихся прохожих нашлись те, кто любил поглазеть на чужие ссоры:

— Вот именно, вот именно, Ся-гэр, не стоит вам с детьми считаться.

Кое-кто из любителей сглаживать углы тоже вставил слово:

— Это же просто дети, побесились и ладно. Прогоните их, да и дело с концом, нужно лавку открывать, это куда важнее.

— Ах ты негодник, а ну иди сюда, чего ты тут со всеми в кучу полез! Гу-сюцай, Ся-гэр, мой сорванец совсем без ума, вы уж не сердчайте на него, — запричитал один из соседей, заметив среди толпы собственного ребенка и поспешив уладить дело миром.

Вокруг лотка собиралось все больше и больше зевак, желающих поглазеть на бесплатное представление.

Цзи Жунся от такой наглости аж рассмеялся.

Хорошо же, просто замечательно! Теперь-то он доподлинно понял, чьих именно рук это грязное дело.

Сам-то он прекрасно знал, что Танцзинь лишь притворяется хромым, но для всех остальных жителей уезда это было чистой правдой! И если он сегодня смалодушничает и проглотит обиду, то уже завтра вся улица Уцью будет в открытую звать его мужа «Гу-хромой».

Система Бога Кулинарии тоже пребывала в полном шоке: «У этой бабы вообще с головой все в порядке? Жить спокойно не умеет, обязательно надо прийти и отравить жизнь моему хозяину и его партнеру?!». Система лихорадочно соображала, как бы ей помочь, но не успела она выдать анализ ситуации, как Цзи Жунся уже взял дело в свои руки.

— Перестань корчить из себя невинную овечку! У этого негодника кусок сахара во рту еще даже не растаял! Ты, старая скряга, удавишься за один вэнь, а тут посреди бела дня вдруг расщедрилась на сладости для чужих детей?! Сразу видно — это ты за их спинами всю эту кашу заварила! С детьми я, так и быть, считаться не стану, а вот с твоей черной душой, старая карга, посчитаюсь прямо сейчас!!!

С этими словами Цзи Жунся резко вырвал свою руку из хватки Гу Танцзиня, рванулся вперед и со всего размаху влепил старухе Лян две звонкие, тяжелые пощечины.

Удар Жунся был настолько сокрушительным и мощным, что старуха Лян мгновенно потеряла дар речи и полностью опешила. Она до последнего мгновения не верила, что этот жалкий гэр посмеет поднять руку на нее — женщину, которая уже одной ногой стоит в могиле.

По старой привычке старуха Лян вознамерилась было применить свой излюбленный трюк — рухнуть на землю и начать истошно голосить на всю улицу, привлекая жалость прохожих. Но не успела она даже согнуть колени, как Цзи Жунся мертвой хваткой вцепился в ее одежду на груди и одним рывком вздернул старуху в воздух!

С тех пор как Жунся стал хорошо и сытно питаться, а также ежедневно часами отрабатывать навыки владения тяжелым кухонным ножом, сил у него изрядно прибавилось. Сейчас он держал на весу брыкающуюся старуху Лян с такой же легкостью, с какой повара держат за крылья перепуганную, кудахчущую курицу.

— Ну давай, покажи мне свои излюбленные штучки — крики, слезы да падения! Что же ты не падаешь и не воешь? Или, может, ты удавиться в петле мечтаешь? Идти туда не хочешь? Ничего, я тебя сам туда на руках донесу!!! — свирепо и яростно прорычал Цзи Жунся.

Старуха Лян от ужаса лишь судорожно сучила в воздухе своими короткими руками и ногами. Чувствуя, что земля ушла из-под ног, она впервые по-настоящему испугалась за свою жизнь. А Цзи Жунся принялся с силой трясти ее за шиворот из стороны в сторону. От этой бешеной карусели у старухи Лян окончательно пропали все силы в конечностях, воротник пережал горло, не давая сделать ни вдоха.

Она не могла вымолвить ни слова, но Цзи Жунся и не думал оставлять ее в покое, требуя ответа:

— Что, только что язык у тебя отлично работал, а теперь прикусила?

— Говори! Будешь еще пакости устраивать?!

У старухи Лян от страха градом покатились слезы. Кто бы мог подумать, что этот обычно тихий гэр окажется сущим демоном во плоти!

— Н-нет... Отпусти... не буду больше, не буду.

На этот раз Гу Танцзинь даже не подумал останавливать Ся-гэра. Первые секунды он сдерживал Жунся лишь потому, что боялся, как бы тот в гневе не избил чужих детей — это могло бы настроить против них всех соседей и усложнить жизнь. Но теперь, когда под раздачу попали истинные виновники, к чему были сдерживания? Пока человек жив, Гу Танцзинь сможет взять любую вину фулана на себя и защитить его перед кем угодно.

Он решительно шагнул вперед и преградил дорогу Лян Дафэну. Тот только-только собирался броситься на помощь матери, как Гу Танцзинь резким и точным ударом ноги опрокинул его навзничь.

— Ой-ёй! — вскрикнул Лян Дафэн, с размаху шлепнувшись ягодицами прямо на грязную землю.

Оказавшись на земле, Лян Дафэн еще несколько секунд пребывал в полном недоумении: откуда у этого бледного книжника взялась такая недюжинная сила?

Гу Танцзинь и впрямь выглядел хрупким и болезненным, однако он ежедневно выполнял тяжелую физическую работу, к тому же в свое время успел пожить в префектуре, где повидал немало уличных бродяг, мошенников и портовых хулиганов. За те годы, что он провел вдали от дома, ему не раз доводилось вступать в драки, так что по сравнению с разленившимся, привыкшим уваливать от работы Лян Дафэном, Гу Танцзинь действовал куда точнее, жестче и сноровистее.

Лян Дафэн попытался было подняться и дать отпор, но Гу Танцзинь не оставил ему ни единого шанса. Он намертво схватил его за ворот халата, и на голову того градом посыпались удары. Очень скоро Лян Дафэн потерял способность членораздельно говорить и мог лишь жалобно и мучительно стонать от боли.

Система Бога Кулинарии в пространстве окончательно онемела от увиденного. Неужели это ее утонченный, благородный и вежливый партнер хозяина? И неужели это ее вечно добродушный, улыбчивый хозяин, который мухи не обидит? Да уж, один без тени сомнения пускает в ход кулаки, а второй — с полной готовностью прикрывает ему тыл и защищает от толпы. «Какое счастье, какое огромное счастье, что я нахожусь на одной стороне с хозяином и его мужем!» — подумало пушистое облачко.

Пока Лян Дафэн и старуха Лян получали заслуженное наказание, их внуки и дети, Лян Дабао и Лян Эрбао, даже не подумали заступиться за родственников. Вместо этого они, воспользовавшись суматохой, подскочили к прилавку и, вытягивая шеи и вставая на цыпочки, потянулись своими грязными ручонками к ароматным шэнцзяням. Однако Лю Далан вовремя среагировал: он быстрым движением перехватил запястья обоих мальчишек и оттащил их в сторону.

Лян Эрбао закричал:

— А ну отпусти меня!

Лян Дабао подхватил:

— Ты чего дерешься?! Папа, нас тут бьют!

— Эй-эй, вы чего творите? Вы же не нищие бродяжки, чтобы вот так бесцеремонно хватать чужую еду с прилавка без спроса! — раздался саркастический голос Гуань Хунчи, который вальяжно подпирал плечом косяк своей лапшичной.

После его громких слов те из прохожих, кто втайне надеялся под шумок поживиться бесплатными шэнцзянями у лотка Гу, тут же умерили свой пыл и поспешно поправили руки.

Заметив, что еще несколько соседских ребятишек голодными глазами косятся на прилавок, Гуань Хунчи без стеснения ткнул в них пальцем:

— У Саньлан, Пэй Далан, Чжоу-гэр... Ой-ой-ой, неужто вы и впрямь в нищих побирушек превратились? Может, мне вам по миске пустой жижи налить, раз уж так голодаете? Ха-ха-ха-ха!

Те самые сплетницы, которые еще минуту назад отпускали едкие замечания в адрес семьи Гу, в мгновение ока густо покраснели от стыда и принялись с силой оттаскивать своих чад от прилавка.

— Всё бы тебе жрать да брюхо набивать! Что это за деликатес такой, ради которого надо руки распускать? А? А если ты подхватишь какую-нибудь заразу от этой уличной стряпни, что тогда делать?! — громко запричитал папаша Пэй Далана, хватая сына за шкуру и откровенно пытаясь уколоть семью Гу своими словами.

Гу Танцзинь, не прерывая своего занятия и продолжая методично охаживать Лян Дафэна кулаками, на секунду поднял голову и крикнул Лю Далану:

— Брат Лю, сделай милость! Раздай все эти шэнцзяни добрым людям, кто пришел к нам на выручку. Каждому, кто скажет крепкое словцо в адрес семьи Лян, давай по два шэнцзяня бесплатно!

Цзи Жунся, услышав это, довольно рассмеялся и подхватил:

— Наша еда, значит, нехороша?! Вот умора! Тот, кто обругает их краше и складнее всех, впредь сможет покупать наши шэнцзяни всего по два вэня за штуку!

С этими словами он наконец проявил «великодушие» и с легким сердцем уронил старуху Лян обратно на землю.

Стоило подошвам старухи Лян коснуться грязной мостовой, как ее колени тут же подогнулись, и она мешком осела в пыль. Она уже открыла рот, собираясь издать оглушительный, истошный вопль на весь квартал, но Цзи Жунся демонстративно размял свои худые, но жилистые руки, давая понять: если она издаст хоть звук, он снова вздернет ее в воздух и заставит повторить незабываемую процедуру. Старуха Лян моментально прикусила язык и затихла, не смея издать ни звука.

Слова Жунся заставили папашу Пэй Далана вспыхнуть от стыда еще сильнее, но в глубине души он уже горько раскаивался: «И зачем только я так поспешил со своим длинным

языком!». О том, насколько вкусны шэнцзяни семьи Гу, знал весь переулок Уцью. А ведь сейчас можно было совершенно бесплатно получить целых две штуки — а это, между прочим, чистая экономия в пять вэней! Но поскольку вернуть лицо перед соседями теперь было невозможно, ему оставалось лишь крепче схватить своего плачущего сына и трусливо сбежать восвояси.

Линь Дуншань до этого момента стоял молча, но, услышав о бесплатном угощении, весело ухмыльнулся про себя. «Ого, вот это да! Да за такое дело грех не взяться!» — подумал он. Сам он был одиночкой, семьи не имел, к тому же обладал крепким телосложением быка и никого в уезде не боялся. Он широко улыбнулся и громко выкрикнул на всю улицу:

— Ну и щедрость, Ся-гэр! Эта старая карга Лян, у которой подметки на ходу подгнивают, только с виду кажется набожной, а внутри у нее одна гниль и злоба! Наш Гу-сюцай — чистейшей души человек, а эта старая ведьма против него козни строит! И не боится ведь, что в следующей жизни родится свиньей или коровой, которую пустят под нож ради куска мяса!

От этих слов старуха Лян невольно содрогнулась от ужаса — она была женщиной суеверной и искренне верила в загробное воздаяние и перерождение душ.

Слова Линь Дуншаня прились как нельзя кстати. Лю Далан с широкой улыбкой протянул ему обещанное угощение:

— Держи, это тебе за честные слова!

Слова Линь Дуншаня тут же подхватили остальные. Те из прохожих, кто не жил в переулке Уцью, наперебой принялись честить семейство Лян последними словами, а спустя пару минут к ним с готовностью присоединились и местные жители. Даже Гэ фулан из кондитерской лавки семьи Лю протиснулся сквозь толпу и от души высказал несколько хлестких ругательств в адрес скандалистов.

Количество шэнцзяней на подносах таяло на глазах, так что тот, кто копался и подбирал слова слишком медленно, рисковал остаться вообще без бесплатного угощения!

Когда к лотку наконец прибежали Лян Эрфэн и старик Лян, на них прямо с порога обрушился целый шквал народного гнева.

— О, явились наконец-то! Что, тоже кулаков захотели? Раз дали своим бабам волю, так хоть бы научили их вести себя прилично, чтобы не позориться на весь город!

— Ваши дети — сущие дикари и побирушки! Без спроса лезут грязными лапами к чужому товару, словно попрошайки. Видать, в вашем доме приличиям вообще никого не учат!

— Только сейчас соизволили прийти? Небось, все это время отсиживались где-то в кустах и ждали, пока все утихнет!

...

Старик Лян и Лян Эрфэн еще с утра заприметили, что старуха Лян замышляет что-то недоброе и крадется к лотку семьи Гу. Они прекрасно понимали, какую пакость она задумала, но предпочли остаться в стороне и не вмешиваться. Кто же мог подумать, что гнев соседей в итоге обрушится и на их головы?

Но на одних лишь словесных оскорблениях дело не закончилось.

Гу Танцзинь наконец отпустил Лян Дафэна, который от боли, побоев и страха умудрился прямо в штаны справить малую нужду, повернулся к подошедшим мужчинам и ледяным тоном скомандовал:

— Забирайте его и отмойте здесь все дочиста.

Лицо старика Лян мгновенно перекосило от злости. Он был уже в почтенных летах, и в уезде мало кто осмеливался разговаривать с ним в подобном приказном тоне. Он завел руки за спину, собираясь высказать этому дерзкому юнцу все, что о нем думает.

Однако Гу Танцзинь не стал тратить время на пустые пререкания — он просто снова сильно ударил Лян Дафэна.

Стоило старику Лян приоткрыть рот, как Гу Танцзинь тут же принимался бить его старшего сына.

Более того, молодой ученый сделал два неторопливых шага в сторону Лян Эрфэна, всем своим видом показывая, что готов притянуть за шиворот и второго сына старика, чтобы устроить ему точно такую же трепку. Старик Лян испуганно замахал руками и поспешно закричал:

— Всё, всё! Я... я прямо сейчас его заберу!

Кто бы мог подумать, что этот вежливый и тихий Гу-сюцай на поверку окажется настолько яростным и безрассудным!!!

Старику Лян и Лян Эрфэну под непрекращающиеся издевательские выкрики толпы пришлось спешно отмывать испачканную землю и уводить под руки побитого Лян Дафэна, перепуганную старуху, а также Лян Дабао и Лян Эрбао, которые до этого момента прятались за телегами, до смерти боясь получить свою порцию тумачков.

Цзи Жунся весело захлопал в ладоши и объявил во всеуслышание:

— Соседи, у меня сегодня прекрасное настроение! Отныне для всех присутствующих здесь — за исключением семейства Лян и тех неразумных детей, чьи родители только что кричали на нас, — цена на наши шэнцзяни навсегда снижается до двух вэней за штуку!

Линь Дуншань от радости зааплодировал громче всех:

— Отлично! Замечательно! Гу-сюцай, Ся-гэр, ну и широкая же у вас душа!

Лю Далан тоже с улыбкой поддержал:

— И то верно! Не то что некоторые лавочники в нашем уезде, у которых маньтоу с каждым днем становятся на целый палец меньше, а цена прежняя.

Цзи Жунся хоть и улыбался во весь рот, но в глубине души его гнев все еще не утих до конца.

На прошлую выходку с шэнцзянями он закрыл глаза, посчитав это мелкой пакостью, но раз уж эти люди снова осмелились прийти к их порогу и оскорбить его мужа — они сами напросились на хорошую трепку.

Сегодня они не заработали ни единого вэня, да еще и понесли некоторые убытки из-за раздачи бесплатного товара, Цзи Жунся мысленно выругался, посчитав этот день довольно неудачным. И все же не ввязаться в эту драку сегодня было нельзя. В будущем они с Танцзинем

обязательно будут покупать новые участки земли и расширять свою лавку, так что нельзя позволять окружающим думать, будто они — беззащитные слабаки, которых можно безнаказанно притеснять. Если бы они проявили мягкость сегодня, впереди их ждало бы бесконечное количество новых проблем от завистников.

Гуань Хунчи со смехом подошел ближе:

— Ну и ну, признаться честно, вы двое меня сегодня не на шутку удивили! Я-то собирался закатать рукава и броситься к вам на подмогу, но, как погляжу, моя помощь вам совершенно не потребовалась.

Лю Далан тоже согласно кивнул:

— Я и сам уже готов был бежать и звать своего младшего брата.

Гэ фулан, досмотрев зрелищное представление до самого конца, услышал слова сына и с укором посмотрел на него:

— С вашими-то худыми ручонками да тонкими костями? Да Гу-сючай вас двоих побьёт и даже не запыхается. Сразу видно — сын своего отца!

В прежние годы Гэ фулан даже не догадывался, что этот сючай умеет так лихо махать кулаками. Впрочем, чему тут удивляться, ведь он был родным сыном старого повара Гу, а тот в молодые годы славился своим крутым нравом на всю округу. Лао Гу в свое время бежал из родных мест от голода и буквально пробивал себе дорогу из кучи трупов, так что духу и суровости ему было не занимать. На самом деле в прежние времена Гэ фулан даже немного побаивался своего соседа, и, несмотря на то, что их дома стояли поблизости, при встрече со старым поваром всегда старался обойти его стороной. Именно поэтому в прошлые годы их семьи не поддерживали близких отношений.

Как говорится, помяни черта, а он и явился. Гу Чуньчай с мрачным, потемневшим от гнева лицом торопливо вышел из жилых комнат к лотку:

— Что тут только что произошло? Отчего на улице такой шум?

— Ой, дядя Гу, вы немного опоздали, самое интересное пропустили! — Гуань Хунчи в общих чертах пересказал ему суть случившегося. — Старуха Лян подговорила соседских ребятишек кривляться и дразнить Гу-сючая, изображая его походку, да еще и притащила с собой Лян Дафэна, явно собираясь устроить потасовку. Но Ся-гэр и Гу-сючай не растерялись и так разукрасили этих наглецов, что те теперь еще очень долго побоятся приближаться к вашему ресторану.

Признаться честно, сегодняшняя сцена немного напугала даже самого Гуань Хунчи — эти двое пустили кулаки в ход без лишних разговоров. И что самое удивительное: побили они Лян Дафэна знатно, но при этом умудрились не покалечить его всерьез и не переломать кости, так что и Жунся, и Гу Танцзинь явно знали меру в драке. Гуань Хунчи мысленно сделал для себя вывод, что впредь нужно как можно чаще общаться с этой супружеской парой и укреплять дружеские связи.

Дослушав рассказ соседа, Гу Чуньчай помрачнел еще сильнее, да и лицо Яо Тяньлань тоже сделалось серым от обиды. Они оба были уже в годах, привыкли вести дела мирно и дорожили правилом «взаимное согласие приносит богатство». Неужели из-за их мягкости окружающие действительно посчитали их семью беззащитными слабаками, об которых можно вытирать

ноги?

— Руки не болят? — тихо поинтересовался Гу Танцзинь у фулана, продолжая споро собирать разбросанные вещи и прибирать прилавок.

Цзи Жунся украдкой обвел взглядом оставшихся у лотка знакомых и, немного смутившись своей недавней ярости, махнул рукой:

— Да пустяки, с чего им болеть? Я вот скорее у тебя хотел спросить, как твои кулаки?

Гу Танцзинь слегка пошевелил пальцами, разминая суставы, и с мягкой улыбкой ответил:

— Все в порядке, ни капли не болят.

Цзи Жунся с гордостью вздернул подбородок:

— Ну, раз у тебя все хорошо, то и у меня тем более!

Гу Чуньцай и Яо Тяньлань: «.....»

Внезапно они перестали так сильно злиться.

—

<http://bllate.org/book/17885/1742014>